

ОЛЬГА КЛЮЧАРЁВА

ТАЙНЫ ВСЕЛЕННОЙ ДАО

Ольга Ключарёва
Тайны вселенной Дао

«Издательские решения»

Ключарёва О.

Тайны вселенной Дао / О. Ключарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984694-5

Даосизм — великое, мощное явление, охватывающее не только практически все аспекты бытия и сознания человека, но и процессы мироздания, взаимодействия и соотношения всего, что ни есть. Мифы и легенды, таящие множество загадок, тайные знания древних и способы общения даосов-магов с миром умерших и духов, даосские трактаты и их основные идеи, алхимические опыты и практики по достижению бессмертия — все это излагается в книге. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-984694-5

© Ключарёва О.
© Издательские решения

Содержание

I. Вводная часть	6
О чем молчат даосы?	6
Что такое даосизм?	10
II. Истоки	13
О том, как устроен мир	13
Боги, герои, бессмертные	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тайны вселенной Дао

Ольга Ключарёва

На обложке и внутри блока книги – фото даосского Храма Белых Облаков (Пекин, район Сичэн) и фото Национального парка Тяньмэньшань (Чжанцзяцзе, провинция Хунань). Фото Ольги Ключарёвой.

Дизайнер обложки Елена Кислицына
Фотограф Ольга Ключарёва

© Ольга Ключарёва, 2020
© Елена Кислицына, дизайн обложки, 2020
© Ольга Ключарёва, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-4694-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Солнце окончило путь
и скрывается за синим лесом.
Водную гладь беспокоит
легкий ветерок.
Холмы погружаются во тьму,
постепенно принимая тень.
В воздухе – благодать и свежесть...
Так тихо, что слышно саму тишину.
Ни голосов, ни огней...
Внезапно в сумерки и тишь
вторгается удар колокола из храма, стоящего
вдалеке...
Звук этот приняли горы...*

*(Вольный перевод-пересказ стихотворения автора-даоса,
пожелавшего остаться неизвестным).*

І. Вводная часть

О чем молчат даосы?

Вместо предисловия

«Жил в одной провинции добропорядочный и прилежный в учении юноша. С детства слыл он достойным в поведении и услужливым, уважал старших и прилежно осваивал науки. Родители не могли на него нарадоваться – очень они надеялись, что в сыне воплотятся все их мечты, все то, чего не удалось достичь им. Отец его пробовал себя когда-то на поприще государственного служащего, много раз ездил в столицу сдавать государственные экзамены, но всегда возвращался с неудачей. Так и оставил он свои надежды и занялся, в конце концов, хозяйством. Теперь сын его Ван готовился к экзаменам в столице. Перечел он горы книг, день и ночь тренировался в написании иероглифов и сложении текстов. И вот, наконец, настал день экзамена. Однако Ван не прошел испытания. Огорчились его родители, огорчился он сам. Однако с еще большим рвением начал он заниматься и на следующий год снова поехал в столицу. И опять не выдержал экзамена. Вновь засел он за книги, не теряя надежды. Но все повторилось. Так продолжалось пятнадцать лет. Но вот, наконец, на шестнадцатый год, удалось Ванну пройти через все преграды. Он был принят на государственную службу.

Летели годы, Ван шел все дальше и дальше, все выше и выше поднимался по ступеням своей карьеры. Был он уже стар и сед, когда стал крупным чиновником и переехал в свою родную провинцию. Жил он теперь в довольстве. Родители его, конечно, давно умерли, однако на их век радости за сына хватило. Но вот сам Ван, в часы, свободные от дел, стал все чаще задумываться о чем-то и грустить. Думал он о том, что вот, кажется, достиг всего, а счастливым себя так и не почувствовал. Он смотрел вокруг, видел деревья, траву и птиц, слышал журчание ручейка в лесу. И думал Ван, что жизнь – это что-то совсем иное, нежели государственная служба.

Однажды Ван, седой старик, сидел, глубоко задумавшись, на пригорке, возле речки. Вдруг он увидел на том берегу человека. Человек тот сразу стал ему интересен, но чем – этого Ван понять никак не мог. С виду невзрачный, оборванный нищий. Маленький старичок с давно не мытой бородкой и волосами, которые также давно не расчесывались. Был он черен от солнца и пыли, которая сопровождала его на дорогах Поднебесной. Он сидел на другом берегу, опустив с крутого берега ноги в воду, голову высоко запрокинул и был неподвижен. Ван, наконец, понял, что так поразило его в этом нищем. Этот человек всецело отдавался радости от того, что он живет. Вот сейчас он сидит, а через какое-то время встанет и пойдет дальше, своим путем, и также будет радоваться тому, что идет, тому, что все ежеминутно меняется вокруг него.

Чем больше Ван смотрел на старика, тем большим уважением проникался к нему. Наконец, он решил подойти и спросить его о том, что так давно его мучило. Он перебрался на тот берег по ветхому мостику и, стараясь не нарушить покой старика, присел в сторонке. Старичок сам заметил его и пригласил, если тот не брезгует его видом, сесть поближе. Ван с радостью принял приглашение, однако заговорить не решался. Прошло некоторое время. Наконец, к Вану обратился сам старик. Голос его был глубок и приятен.

– Расскажи мне коротко о своей жизни. Я вижу – тебя что-то мучает, – сказал он.

– О почтеннейший, – проговорил Ван, – я увидел в тебе человека, который, кажется, поможет ответить на главный мой вопрос. Я задался им недавно и, боюсь, слишком поздно, так как дела не давали мне досуга. А вопрос этот прост до смешного: для чего я жил? С детства я стремился к освоению наук и высокой должности. Я прошел через трудности и испытания

на этом пути, но все же своего достиг. Я обрел опыт и видел многое. Однако меня не покидает мысль, что я что-то упустил. Думаю, тебе достаточно знать это, чтобы ответить на мой вопрос.

– Разумеется, достаточно, – ответил старик, – ты всю свою жизнь не узнавал вещи, а стремился присвоить их, овладеть ими. Овладел одной вещью, овладел другой. Однако осталось огромное количество вещей, которых ты не узнал и никогда не узнаешь – ведь тебе осталось недолго жить. Твоя ошибка в том, что тебе нужно было не присваивать вещи, а узнавать их, узнавать и идти дальше, не стремясь извлечь выгоду из своего познания. Ибо не качеством и количеством определяется вещь, а содержанием. Вещи и явления нужно пропускать через себя, оставляя сердце свободным. И чем больше ты пропустишь через себя, тем богаче ты станешь. И тогда тебе откроется сокровенное, совокупность вещей, великое целое мира. Вот тогда и будешь счастлив.

Ван прозрел в один миг. Он понял, как несчастна и неглубока была его жизнь, прожив которую, он так и не познал истинной ценности явлений. Старичок-нищий посидел еще немного с ним, потом встал, вежливо поклонился Ванну и промолвил напоследок:

– Еще не поздно понять. Понять и обрести свой Путь. Никогда не поздно.

И пошел вдоль реки. Ван долго еще сидел на берегу, глядя, как движется вода, как плывут в ней мелкие рыбки и как перетекает из узора в узор песок на дне. И он уже не был прежним чиновником Ваном».

Этот рассказ написан в наши дни. Его автор – современный китайский писатель Сяо Дун Вэй, который в настоящее время живет в уединении в одной из южных провинций Китая. Однако такой рассказ вполне мог выйти из-под пера другого литератора, жившего и сто, и двести, и даже тысячу лет назад. В этом заключается удивительная, не повторяющаяся в иных культурах черта, которая свойственна культуре китайской: сколько бы ни прошло лет, сила духовной связи между поколениями нисколько не ослабевает. И к этому мы еще не раз вернемся в нашей книге. Суть, идея, выраженные здесь, с течением времени нисколько не потеряли своей остроты и ясности. Простота, с которой автор добивается наглядной иллюстрации того, что волновало наставников и провозвестников Пути сотни лет назад, нисколько не умаляет, а наоборот, подчеркивает, усиливает, делает понятным то, что искали мудрецы, к чему они стремились.

Есть вещи, с годами становящиеся лишь крепче. Их не разрушают природные условия, им не страшны социальные перемены, они не подвержены никаким внешним воздействиям. Вещи эти забываются и кажутся ненужным бременем, заглушенные и оттесненные вмешательством временных сил. Однако когда приходит момент подведения итогов, осмысления, поисков дальнейшего пути, люди ищут истины и мудрости в источниках древности, проверенных временем.

Одно из таких вечных и всепроникающих явлений – даосизм.

Немного в истории человечества, в истории духовных исканий найдется феноменов, обладающих столь мощными, притягательными и одновременно противоречивыми свойствами. Здесь соединяются совершенно, на первый взгляд, несовместимые вещи, которые, сталкиваясь, трансформируясь и преображаясь, образуют все новые ответвления, открывают все новые грани собственных же начал.

Мы постараемся высветить эти начала, попробуем вместе с читателями раскрыть некоторые секреты, которые даосы, в силу их неприятия способа выражения мысли словами, предпочли не раскрывать, не делать достоянием праздных умов. Ведь, как известно, становящееся чьим-то достоянием сокровенное, в чужих руках в лучшем случае становится объектом исследования или же какая-то одна из его граней развивается и приобретает собственную закон-

ченную форму. В большинстве же случаев оно, оболганное, использованное в личных целях, расхищенное, разворованное по частям, погибает безвозвратно. Даосы уберегли свое учение. Уберегли потому, что знали: слово – не способ, не средство, а конец всему. Потому они хранили молчание. А учение их, тем не менее, не погибло. Не удивительно ли это? Вот один из главных секретов даосов, который мы и постараемся раскрыть.

Крупнейший отечественный китаевед, автор большого количества переводов и собственных исследовательских трудов В.В.Малявин в предисловии к переводу книги «Восхождение к великому Дао» выводит в качестве одной из краеугольных тем о намеренном или же закономерном, само собой разумеющимся, сокрытии даосами своих секретов. Сознательно или несознательно это получалось и получается, – вопрос очень непростой. С одной стороны, приверженцы даосизма действительно осознанно предпочитали не раскрывать для посторонних глаз собственные сокровища, с другой – налицо проблема взаимопонимания и взаимодействия культур, а точнее их способности к взаимопониманию. Наконец, еще одна причина такой скрытности – в самой специфике предмета, в неуловимости и необъяснимости с точки зрения логики или науки одного из основных постулатов даосизма – понятии о Дао-Пути. «... скрытность даосов, – пишет Малявин, – предопределена самой природой их высшей реальности – Дао, которую „нельзя выразить в словах“, то есть сделать „предметом мысли“ и описать в виде системы „объективных истин“. Жизнь в Дао целиком протекает внутри, она невыразима и не нуждается в выражении, хотя внятна каждому. И чем более она доступна, тем менее поддается словесному оформлению. Подлинная правда человека – правда неисчерпаемой полноты бытия – всегда остается вне какого бы то ни было „поля зрения“. Даосская поговорка гласит: „Настоящий человек не показывает себя. А кто показывает себя – тот не настоящий человек“»¹.

Итак, даосы хранили и хранят молчание. Однако, как мы видим, в рассказе даосский отшельник все же прибегает к помощи слов, все же объясняет чиновнику Вану его жизненные ошибки. Действительно, монах вынужден говорить на бытовом человеческом языке, потому что его задача – не наставлять Вана на путь Дао. Ведь Ван не является и, вероятно, никогда уже не станет его учеником. Мудрец просто в нескольких словах объясняет ему, что тупик, в котором он оказался – он же сам. И все же, посмотрите внимательно, ведь Ван еще до того, как монах заговорил с ним, понял о нем все. Слова монаха – лишь формальность. Значит, до того, как прозвучит слово, многое, а часто – все, становится предельно ясным. В этом великая загадка и одновременно притягательность любого истинного духовного явления: один миг – и все разом высвечивается. Мгновение – и человек словно прозревает.

Но мы на время оставим эти рассуждения. Теперь же хотелось бы сказать о том, что читатель вправе ждать от книги, которая находится перед ним. Настоящее живет долго по многим причинам. Одна из них – попытка переосмысления этого явления каждым последующим поколением. С той поры, как даосизм возник, рядом появляются его толкователи, исследователи, ученые, которые часто посвящают жизнь изучению лишь этого религиозно-философского учения (мы называем даосизм так, поскольку обязаны дать какое-то определение, но в действительности и оно не точно, ибо даосизм неопределяем). Не избежит участи толкователя и автор этой книги. Но вместе с тем задача данного издания – как можно более полно представить перед читателем атмосферу удивительного края, где даосизм развивался. Мы с вами увидим древних и современных даосов – людей, практикующих самые различные образы жизни и деятельности и при этом, однако, нисколько не нарушающих в каждом отдельном случае неписаных законов даосизма. И это еще одна его тайна: в нем сочетаются вещи несочетаемые.

¹ ¹ Малявин В. В. Предисловие переводчика. //В кн. Восхождение к Дао/ Сост., пер. с кит и нем., вступ. ст. и комм. В. В. Малявина. М., Изд. «Астрель», Изд. «АСТ», 2002. Стр. 6.

О том, откуда ведет свое происхождение даосизм, где заключен его истинный исток, между учеными идут дискуссии по сей день. Все же, несмотря на различие во мнениях, с определенной долей уверенности можно говорить о том, что корни этого явления – в самой первозданной, первобытной природе мира и человека, в их взаимном сосуществовании, взаимовлиянии. Потому наш рассказ начнется с самых ранних для человечества времен, когда мышление абстрактное не сформировалось еще окончательно, когда человек не отделил еще себя в своем сознании от всего сущего на земле, но был частицей этого великого сущего. Мы постараемся услышать голос древности. Перед нами предстанут герои мифов и легенд о сотворении мира, боги и герои, Бессмертные и первые покровители народов, имеющие божественное происхождение. Древним шаманским практикам как предтече многих положений даосского учения (в настоящее время это бесспорный момент) уделено значительное место в нашем издании. Затем пойдет рассказ о некоторых магических ритуалах и способах соприкосновения с миром духов, которые также оказали значительное влияние на развитие даосизма. Далее мы окунемся в атмосферу, которую несут в себе древние трактаты даосских мыслителей. Постараемся увидеть этих людей – наивных утопистов, блаженных (немало нашлось в их адрес подобных высказываний), но на деле – мудрецов, видящих гораздо больше обыкновенных людей и гораздо яснее, чем кто-либо другой, могущих сказать, что ожидает мир. Молча удалялись они в свои одинокие жилища, подальше от повседневности, полной зла и суеты, и творили. Они оставили нам драгоценное наследие, и сегодня мы имеем счастье познакомиться с ним. Нам откроются некоторые тайны даосской алхимии – удивительного искусства-науки, не имеющего аналогов в мировой практике. И, наконец, мы познакомимся с самым загадочным и вызывающим неоднозначные толкования видом даосской практики – практикой достижения бессмертия. В этой связи мы рассмотрим, что в понимании даосов значило и значит состояние бессмертия, и нам многое станет ясно.

Как видите, несмотря на то, что даосы предпочитали слову молчание, они подарили нам многое. И если они оставили дверь приоткрытой, воспользуемся случаем и войдем в их мир.

Что такое даосизм?

Итак, мы с Вами, дорогой читатель, отправляемся в путешествие, которое, помимо перспективы непосредственно знакомства с предметом исследования, должно одновременно и открыть Вам перспективу для дальнейшего его изучения. Ведь тема эта неисчерпаема.

Однако прежде чем начать наш путь, мы должны остановиться на одном вопросе, который много лет занимает ученых. Вопрос «Что такое даосизм?» до смешного прост в формулировке. Ответ на него – десятки, если не сотни, самых различных – научных, публицистических и созданных для широкого круга читателей – трудов.

В своем очерке, посвященном даосизму, известный исследователь темы, профессор Е.А.Торчинов размышляет: «Даосизм – национальная религия Китая, наряду с этико-политическим учением конфуцианства и пришедшим из Индии буддизмом составившая так называемую триаду учений» (сань цзяо), которые и лежали в основе духовной культуры Китая на протяжении тысячелетий. Однако сказать о даосизме только это – значит ничего не сказать. Ибо слово «даосизм» вызывает у человека, знакомого с китайской культурой, самые разнообразные и разнородные ассоциации. Это и стремление к единению с природой, к возвращению к первозданной простоте, естественности, отображенное во множестве поэтических текстов и живописных свитков. Это и глубина философских размышлений о сущности бытия и внутренних принципах его вечного движения. Это и таинства даосской алхимии, направленной на создание эликсира бессмертия. И, наконец, это сам человек, следующий даосскому учению, – созерцатель-подвижник и обескураживающий парадоксами юродивый, мыслитель и поэт, политик и ученый»².

Действительно, человек, именующий себя даосом, многолик чрезвычайно: это и одинокий отшельник, лишь изредка спускающийся с гор, где находится его обитель, в селения, чтобы предупредить людей о надвигающейся опасности, помочь им исцелиться от дурных предчувствий или же просто поразить их замысловатой, граничащей с безумством выходкой; это и философ, и поэт, и ученый-лекарь, и алхимик. Наконец, даосом вправе именовать себя даже правитель, следующий определенным принципам. Кстати, забегаая вперед, процитируем замечательный отрывок из «Дао Дэ Цзин», касающийся власть предержащего: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает». Это просто отступление, замечание в скобках, информация к размышлению³.

Почему даосами именовали и именуют себя люди, чьи устремления и род занятий, как кажется, никак между собой не связаны? Почему в разные времена даосизмом именуется совершенно несхожие друг с другом вещи? Наконец, почему нет (и не может быть!) раз навсегда закрепленных принципов даосизма, какой-то догмы, зафиксированный в виде устава?

Даосизм как феномен никогда не был чем-то раз и навсегда сформированным и неизменным. Он всегда был очень подвижной и изменчивой субстанцией. Менялись люди, менялись политические приоритеты, менялось мировоззрение. Менялся и даосизм. «Столь же сложной, многогранной, как и сам лик даосизма, – продолжает Торчинов, – является и его история, происхождение учения, как бы воплотившего в себе принцип единства многообразного»⁴.

События, происходившие на протяжении столетий, оказывали глубокое влияние на становление принципов даосизма. Он видоизменялся вместе с людьми и происходящим вокруг.

² 2 Религии Китая. Хрестоматия. Составление Е. А.Торчинова. – «Евразия», – Спб.:, 2001. Стр. 11

³ 3 Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. Перевод Ян Хи Шуна. М., Изд. ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. Стр. 21—22.

⁴ 4 Е.А.Торчинов. Предисловие к Изданию: Религии Китая. Хрестоматия. С-П., Евразия, 2001. Стр. 11

Отчасти в этом причина его многоликости и его способности сочетать несочетаемое, вбирать в себя и трансформировать внутри себя самые различные принципы и формы.

Как справедливо отмечает профессор Торчинов, культура Китая – не единый монолит, неизменяемый в веках, но подвижное, изменяющееся начало. Прежде всего об этом нужно помнить, говоря о китайской древности. Древняя культура, существовавшая на фоне разделенной на мелкие, постоянно враждовавшие между собой государства (со второй половины первого тысячелетия до н.э. по III в. до н.э.) страны, представляла собой сильно разнящиеся между собой типы культур. Лишь позднее они соединились, образовав мощный и самобытный синтез.

«В наибольшей степени, – пишет Торчинов, – отличались друг от друга культуры севера и юга Китая. Если для севера, давшего начало конфуцианству, характерно внимание к этической проблематике и ритуалу, рассудочное стремление к рациональному переосмыслению архаических основ цивилизации, то на юге (царство Чу, южная часть бассейна реки Янцзы) господствовала стихия мифопоэтического мышления, процветала экстатичность шаманских культов. И даосизм, созревший, видимо, в лоне южной традиции, тем не менее соединил в себе материнскую стихию экзальтированной архаики юга и отцовскую стихию рационального севера. Первая дала ему содержание, вторая наделила формой, предоставив созданный ею философский способ освоения творческих потенций. Без южной традиции даосизм не стал бы даосизмом, без северной – не сумел бы сказать о себе языком великой культуры и книжной образованности.

Так, к IV—III вв. до н.э. из стихии архаических культов и неупорядоченных мировоззренческих представлений выступает на сцену китайской культуры даосизм, сразу же заговоривший о себе языком философии, но философии, не чуждавшейся притчи, переосмысленного в духе новой эпохи мифологического образа и оставившего в онемении парадокса»⁵.

Последнее утверждение заслуживает отдельного разговора. Действительно, даосизм, как, пожалуй, никакая другая философско-религиозная доктрина, допускает возможность открытого, сугубо творческого подхода к объяснению своих идей. Утверждать и объяснять что-либо даосы предпочитали иносказательно, путем повествования и притчи. Они не чуждались как отвлеченного и длинного рассказа, так и одной меткой фразы, которая, словно выстрел, повергала слушателя в смятение, часто оставляя в недоумении, а еще чаще – попадая в цель, так, что наступало мгновенное прозрение.

Внешне кажущийся простаком и юродивым, одетый в лохмотья и вечно голодный, резко выделяющийся в толпе, этот странный человек, даос, начиная рассказ, заставлял людей останавливаться и прислушиваться. Вскоре вокруг собиралась толпа. Даос говорил иносказательно, никогда прямо не называя вещей своими именами. Он сыпал афоризмами и шутками, остроумными метафорами и даже рассказывал анекдоты. Толпа радовалась. А возвращаясь к себе домой, в тепло и уют, люди размышляли над услышанным от того человека. Он же, удовлетворившись скромным подаванием, отправлялся восвояси – в свою одинокую хижину, приютившуюся среди гор. Не всегда так происходили встречи людей с даосами. Даосы вообще чуждались выхода в толпу и предпочитали контакт лишь с теми, кто сам приходил к ним. Мудрецы, избегая праздного суждения, оставили после себя богатое наследие в виде книг и манускриптов. Эти произведения прошли испытание временем и сегодня являются прекрасным материалом для исследований.

Так или иначе, постепенно, исподволь, даосизм укреплял позиции. Вырождения этого явления не произошло. Ибо даосизм – не частная инициатива, не сектантское образование,

^{5 5} Там же. Стр. 11—12.

не узкий круг, но всеобъемлющее и многообразное в своих проявлениях знание, обладающее твердым стержнем. Но при этом неуловимость и противоречивость сохраняются.

Несомненно, превалирующими качествами сплава форм под названием даосизм является его космичность, устремление вверх, в неизмеримые дали бесконечности, а также в бездонные глубины человеческого подсознания. Даосизм не признает рациональности ни в одном из своих проявлений. Он чужд педантизму и назидательности, он не имеет формул и аксиом. Даосизм – вечный поиск, вечная перспектива, вечная свобода, объединяющая сознание и бессознательное. И, несмотря на то, что, как мы увидим далее, даосизм принял в свое лоно и строгую науку, все же это наука творческая, предполагающая и активно использующая возможность эксперимента, зачастую самого безумного. Ведь даосский алхимик – прежде всего, экспериментатор, творец, человек, поступающий вопреки всем законам разума. Он создает свой эликсир бессмертия, соединяя самые различные вещества и добиваясь идеальных пропорций, преследуя цель не увековечить этот эксперимент, не продвинуть вперед науку, но *создать панацею для обмана незыблемого, обмануть естественные законы природы*. Мы не говорим уже о даосских отшельниках, чей образ жизни и мыслей – тайна, по сей день не разгаданная.

В общем, вопрос о том, как определить даосизм в нескольких словах, остается открытым. И, чем дальше идет время, тем очевиднее, что попытки сделать это совершенно бессмысленны. Даосизм нужно изучать, стараться понять, но дать ему определение, которое охватывало бы все его направления, все его формы, невозможно. Это тот случай, когда явление неуловимо для формулировки. И происходит это потому, что явление это живет. Оно присутствует, находит для себя место в каждом новом времени, в каждой новой системе координат. И, не вступая в борьбу с этой системой, тем не менее, каждый раз одерживает победу.

II. Истоки

О том, как устроен мир

Для того чтобы начать знакомство непосредственно с наследием даосских практиков и школ, необходимо совершить экскурс в далекое прошлое, с эпоху «детства человечества». Необходимо постараться выяснить, что послужило предтечей возникновения уникального мировоззренческого комплекса, получившего название Даосизм.

Вниманию читателя предлагается пересказ одного из мифов о сотворении мира. Это довольно известный миф о первочеловеке Пань-гу. Несмотря на то, что миф этот имеет китайские корни, все же идея берет свое начало, скорее всего, в мифологии индийской, а, быть может, даже и у древних народов, населявших когда-то восточную Сибирь. Но суть не в этом. В мифе о Пань-гу содержится множество ценнейших для нас элементов, ведущих к пониманию древними китайцами мира, Вселенной, взаимодействия начал и т. д. Миф этот наглядно проиллюстрирует нам некоторые моменты, ставшие впоследствии основными в даосских изысканиях.

Вот этот миф. В ту пору, когда еще и самих времени и пространства не было, когда не было ни неба, ни земли, когда не было расстояний, – был хаос. Не было ни солнца, ни луны, ни зверей, ни птиц, ни морей, ни суши. Мир пребывал в состоянии неизвестности и был жидким и вязким, как грязь в сезон дождей на юге. Лишь мелкие частицы ци носились по этому миру, погруженному во мрак. И заключен был этот мир в огромное яйцо. Но было угодно, чтобы стал порядок. И зародился в этом мраке и хаосе Паньгу. Внешний его облик описывают по-разному. Одни говорят, что видом своим он был похож на человека, другие – что тело его было змеиным, а голова была похожа на голову дракона. Он был началом всего сущего, он понял, что мир нуждается в нем. И тогда взял он в руки молоток и долото и пробил крышу мира. И мир раскололся надвое. Паньгу привстал, уперся в верхний его край и стал понемногу отделять небо от земли. Силы *инь* и *ян* проявили тогда свою силу. *Инь* призвана олицетворять все низкое, темное, неизвестное, *ян* – все высокое, светлое, определенное. Паньгу стоял, подперши головой небо, и каждый день оно поднималось на один чжан (3,3 метра). Так он стоял восемнадцать тысяч лет. За это время небо совершенно отделилось от земли. Помогали Паньгу его верные спутники: единорог, феникс, дракон и черепаха. Эти священные существа до сих пор не оставляют людей и делят с ними беду и радость. Но по прошествии восемнадцати тысяч лет силы покинули его. Он почувствовал, что скоро умрет. И тогда Паньгу вздохнул. И этот последний вздох его стал ветром и облаками. Паньгу закричал. И этот последний его крик стал громом. Он увидел, что мир все еще пребывает в темноте, и его левый глаз стал солнцем, а правый – луной. Но, вопреки ожиданиям Паньгу, было темно. День и ночь не возникли. И некому было исправить эту ошибку, поскольку не было еще мудрецов, которые занялись бы этим. Ведь люди еще не появились. Так Паньгу и умер, не дождавшись разделения суток на ночь и день. Когда он упал и умер, его волосы и борода превратились в созвездия, его плоть стала плодородной почвой, а его пот превратился в дождь и росу. Кровь Паньгу разлилась, и возникли реки, а его вены и жилы стали дорогами. Лишь многие столетия спустя земной император, увидев, что на земле все еще темно, решил устроить порядок. Солнце и Луна скрывались за морем и показываться не желали. Земной император взывал к ним, приказывал и угрожал, однако они не хотели подчиняться. И тогда император призвал дух Паньгу. Паньгу восстал и пришел на помощь. Он пошел к морю и направил к горизонту свою левую руку, на которой было написано «солнце». И Солнце повиновалось ему и появилось. Затем Паньгу вытянул вперед свою правую руку, на которой было написано «луна». И Луна пришла. Паньгу

семь раз произнес просьбу императора. Тогда Солнце и Луна послушались, и с тех пор сутки разделились на день и ночь. Паньгу также разделил мир по четырем сторонам света. Этими четырьмя сторонами стали его руки и ноги. И вот как выглядит мир (с точки зрения первых рассказчиков мифа): небо, поднятое на руках Паньгу, безгранично и имеет округлую форму, внизу простирается земля квадратной формы, в центре же земли находится Срединное государство или Поднебесная.

Надо заметить, что история, которую вы только что прочли, вряд ли является первоисточником. Миф о Пань-гу был записан лишь в III веке н.э., а это, согласитесь, для истории мифа крайне поздно. Миф передавался из уст в уста и, естественно, история эта претерпевала изменения. Но вот мысль о великом хаосе, из которого постепенно возникло нечто – эта идея вряд ли подверглась изменениям.

Итак, изначально в мире царил лишь хаос. Частицы *ци* носились в воздухе беспорядочно. Но вот начали происходить изменения: темное и светлое, тяжелое и легкое, женское и мужское разделились. Легкие и светлые частицы, получившие название *ян*, поднялись вверх и образовали небо, тяжелые и темные частицы, получившие название *инь*, опустились вниз и образовали землю. Так выглядит упрощенный вариант версии процесса мироздания, которая истари укоренилась в сознании многих поколений древних ученых. Центром же мира стал человек. Он зародился и существует между небом и землей, и в нем, как и во всем сущем, сливаются и взаимодействуют друг с другом силы *инь* и *ян*. От взаимодействия *инь* и *ян* произошли все предметы и явления. В природе непрерывное перетекание, непрерывная смена приоритетов между *инь* и *ян* является условием бесперебойного течения жизни и всех процессов. *Инь* и *ян* друг от друга неотделимы, существование каждой из этих сил обусловлено существованием противоположной. Движение и покой, свет и тьма, лето и зима, день и ночь. Они чередуются, и это неизбежно. И так же неизбежно чередование *инь-ян*. Природа, все ее разнообразие, все ее процессы, обусловлены этим чередованием.

Вселенская бесконечность, изначальное небытие, пустота, ничто. Бесконечные перемены, обусловленные непрерывным взаимопроникновением и чередованием противоположных друг другу сил. Это категории, заложенные древними. Они же легли в основу даосского учения. Категория бесконечности, пустоты, небытия здесь выходит на первый план. Все уйдет, все вещи исчезнут. Исчезнет и сама земля, породившая живые существа. Наш видимый мир умрет. А вот эта бесконечность, эта вечная пустота будет жить всегда. Великая Пустота – это то, что не подвергается никаким вещественным критериям, потому вечность ее неоспорима. Приближение к этой Великой Пустоте, ощущение себя частью этой Пустоты – вот высшая цель, к которой стремились даосы. И вот почему молчание, невысказанность были для них ценнее любого самого блестящего, самого мудрого изречения. Слово – это материализация, а любая материализация не имеет ничего общего с тем, к чему стремились они. Но к этому мы еще вернемся. Пока же продолжим рассказ о представлении древних о мироздании, тем более что модель эта не стала анахронизмом, а лежит в основе многих практик, с успехом применяющихся и в наши дни.

Итак, единство и борьба противоположностей *инь* и *ян* – есть условие бесконечного разнообразия и изменений в природе. Однако эти единство и борьба не беспорядочны, а имеют свой цикл, который соответствует календарному году. День зимнего солнцестояния (22 или 23 декабря) – это начальный пункт цикла и высшая точка могущества силы *инь*. Это самый короткий день и самая длинная ночь в году. День летнего солнцестояния (21 или 22 июня) – день наивысшего могущества силы *ян*. Соответственно, это самый длинный день и самая короткая ночь в году. Когда наступает день равноденствия, силы сторон уравниваются.

Представления азиатских культур о мироздании и человеке сильно отличаются от того, что предлагает в этом отношении культура западная. Если Запад в вопросе значения человека ориентируется больше на личностный фактор, то восточная (мы говорим, конечно,

прежде всего, о восточно-азиатских странах) традиция представления о человеке утверждает, что и мир, и все сущее, и человек – части единого целого, тесно связанные друг с другом. Смена времен года и процессы, происходящие в организме человека также имеют теснейшую связь. Отдельные человеческие органы функционируют по-разному, в зависимости от того, что делается в природе. Природа, окружающая человека среда – есть макрокосмос, сам человек – микрокосмос. Природа живет по законам взаимодействия пяти основных стихий (ветер, жара, влажность, сухость, холод), а также первоэлементов (дерево, огонь, земля, металл, вода). И человек состоит из тех же первоэлементов (они попадают в его организм с пищей). Каждый из первоэлементов обязательно должен быть связан с другим. Иначе нарушается цепочка, отвечающая за жизнь. Взаимодействие первоэлементов – это процессы, с одной стороны, созидательные, с другой – разрушающие. Созидательные: вода обеспечивает рост дерева, дерево помогает жить огню, огонь, умирая, оставляет после себя пепел, который превращается в землю, земля может породить металл, металл может превратиться в жидкость (воду). Разрушительные процессы таковы: вода может погасить огонь, огонь способствует размягчению металла, металл режет дерево, земля поглощает воду.

Все пять первоэлементов олицетворяют собой *иньское* и *янское* начала: так, дерево (символ роста, возрождения) – символ *ян*, огонь также является представителем *янской* энергии, металл – переходная от *янского* к *иньскому* началу, вода – чистейший представитель *инь*. У земли же – особая роль. Она является центром всех изменений, находится посередине всех процессов и принимает на себя поочередно то превалирующую энергию *инь*, то преобладание *ян*. Мы вкратце описали концепцию, выработанную древними восточными философами. Концепция эта носит название *У-Син*.

Взаимодействие пяти первоэлементов – это условие многообразия явлений и вещей, возникающих в природе, а также свойств человека. Вот что порождает это взаимодействие: пять состояний погоды – дождь, холод, жару, ветер, ясную погоду; пять видов злаков – просо, коноплю, рис, пшеницу, бобы; пять благ – долголетие, богатство, здоровье, добродетель, естественную смерть; пять добродетелей – человеколюбие, справедливость, пристойность, знание обрядов, верность; пять частей тела – сердце, печень, желудок, легкие, почки; пять составных элементов человеческого организма – мускулы, мясо, кости, кожу, волосы; пять конечностей – голову, две руки и две ноги; пять вкусов – кислый, сладкий, горький, острый, соленый; пять цветов – желтый, белый, красный, синий, черный; пять металлов – золото, серебро, медь, свинец, железо.

Теперь, когда мы немного разобрались в том, что в понимании восточно-азиатских культур представляет собой модель мира, вернемся к одному из важнейших понятий, которое будет и в дальнейшем фигурировать в нашем рассказе о даосизме и его формах, а именно к понятию хаоса, первоначального. ***Изначальное, а затем уже мир. Хаос, а затем разделение частиц и образование всего сущего.*** Вот на чем заостряли внимание приверженцы даосизма. Без понимания того, что существует и то и другое, что видимый мир – совсем не начало всего, невозможно понимание сути даосского учения. Послушаем, наконец, что говорит по этому поводу автор трактата, отрывки из которого еще не раз появятся страницах нашей книги. Это трактат «Ле-Цзы», о происхождении которого – речь еще впереди. Пока же – просто цитата:

«Учитель Лецзы сказал:

– Существует первонепостоянство, существует первоначало, существует первообразование, существует первоэлемент. При первонепостоянстве еще нет воздуха, первоначало – начало воздуха, первообразование – начало формы, первоэлемент – начало свойств [вещей]. Все вместе – воздух, форма, свойства – еще не отделились друг от друга, потому и называются хаосом. Хаос – смешение тьмы вещей, еще не отделившихся друг от друга. «Смотрю на него, но не вижу, слушаю его, но не слышу», следуя за ним, «но его не обретаю». <...> Чистое и лег-

кое поднимается и образует небо, мутное и тяжелое опускается и образует землю. Столкновение и соединение [легкого и тяжелого] воздуха образует человека. Оттого что во вселенной содержатся семена, порождается и развивается [вся] тьма вещей»⁶.

Древнее восточное сознание удивительным, точнейшим образом постигло, быть может, самое неуловимое, но одновременно с этим самое важное в отношении бытия. Оно проникло в область бесконечности, в область никем и ничем не управляемого вселенского потока, в область процессов, лежащих *над* сущим. Оно добралось до высших сфер, до понимания и попытки осознать изначальное, те процессы, по сравнению с которыми отрезок всей жизни человечества (его прошлого, настоящего и будущего, вплоть до естественного исчезновения), будет выглядеть лишь кратким мигом. Мысль древних, без помощи научных открытий (их время тогда еще не пришло) сумела охватить весь вселенский процесс. И, что удивительно, сделала это поразительно точно. Из мелких энергетических частиц, которые беспорядочно носились в воздухе, постепенно образовались твердые тела. Разве это не официально признанная теория мироздания? А ведь безвестные древние философы сделали это открытие намного раньше ученых, использующих сегодня самую высокоточную технику. Но не категориями науки мыслили те мудрецы. Сознывая вечное присутствие бесконечности, сути, которая незримо присутствует всегда и везде, лежащей вне сознания и вещей, они постигли, что не в сознании и не в вещах заключается значение бытия, но именно в этой незримо присутствующей субстанции.

Так глубоко и всесторонне раскрыть все это могли только древние, ибо их сознание было несравненно свободнее, чем наше – истерзанное наносными влияниями и почти уже разрушенное. Открытые для контактов с окружающим на уровне рефлекса, на уровне подсознания, люди легко и быстро находили способы сосуществования, *со-бытия* с миром и с тем, что миру предшествовало. Об этом будет подробный разговор в следующей главе.

^{6 6} Лецзы. Перевод Л. Позднеевой. // В кн. Дао: гармония мира. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2000 Стр. 38.

Боги, герои, бессмертные

Мы начнем с мифа и эту главу. Миф о происхождении людей на земле – история чрезвычайно образная и яркая. Именно она, на наш взгляд, из множества мифов о зарождении мира и жизни, наиболее наглядно и образно характеризует основные черты китайской культуры, тяготеющей к синтезу сна и яви, реальности и вымысла.

Первочеловек Паньгу окончил свой путь и умер. Земля расцвела, преобразилась. С гор потекли ручейки, разлились реки и озера. Сотни видов растений и животных возникли. День сменялся ночью, зима – весной. В этом первозданном великолепии не было лишь одного – человека. Прародительница, неземная красавица, Нюйва очень печалилась. Она любила землю, помогала растениям цвести, а животным – кормиться. Она очищала загрязненные водоемы и молила высшие силы послать дожди в засушливые районы земли. Она все старалась сделать для того, чтобы мир стал еще красивее. Но вот поговорить ей было не с кем. Рядом не было существа, которое могло бы ее понять, близкого ей по духу. И вот однажды, в солнечный день, Нюйва сидела на берегу пруда. Звери и птицы приветствовали ее. Нюйва начала петь, аккомпанируя себе на цине, и все, кто способен был оценить красоту ее песни, обратились в слух. Девушка пела и глядела на свое отражение в воде. Песня закончилась. Нюйва отложила свой инструмент в сторону, взяла в руку комочек глины и, глядя на свое отражение, слепила из глины фигурку. Фигурка тотчас же превратилась в маленькую девочку. Девочка ожила, запрыгала и засмеялась. Нюйва очень обрадовалась. Теперь у нее появилась маленькая дочка. Она взяла девочку на руки и ласково заговорила с ней. Девочка переняла речь Нюйва, и вскоре они разговаривали обо всем. Проходили дни за днями, дочка Нюйва подросла. Все было хорошо, но ей одной было скучно, не с кем было играть. Нюйва слепила из глины еще одну фигурку. Но потом подумала, что если людей будет много, им будет гораздо веселее жить. Тогда она взяла веревку, опустила ее в жидкую глину на берегу пруда, вынула и стряхнула капли. Каждая капля глины стала человечком. Теперь Нюйва подумала, что завершила главное дело своей жизни. Но она ошибалась. Человеческий род оказался смертен, а Нюйва устала бесконечно окунать веревку в воду и стряхивать капли глины, чтобы создать новых людей. И тогда она создала мужчину и женщину и велела им самим заботиться о продолжении рода. Теперь, как казалось, Нюйва, она могла передохнуть. Сил на то, чтобы создать людей, ушло у нее много, и теперь она готовилась вернуться в свою обитель, чтобы спокойно встретить старость. Но не тут-то было. Люди не умели справляться со стихией, с природными катаклизмами, с наводнениями, бурями, жарой и холодом. Мировой порядок начал постепенно рушиться. Откуда ни возьмись, из-под земли хлынули бурные потоки, леса подверглись невиданным пожарам. Стороны света сместились. Сам небесный свод грозил вот-вот обрушиться. И тогда Нюйва решила спасти мир и своих чад – людей. Она отрубила ноги у огромной черепахи и поставила их по четырем сторонам света, как подпорки. Таким образом она предотвратила падение неба. Затем она собрала тростник и подожгла его. Когда тростник выгорел, Нюйва собрала пепел и разложила его по берегам рек, дабы предотвратить наводнения. Она поймала за хвост черного дракона, который чинил бедствия, и убила его. Расплодившиеся за время катаклизмов невиданные хищники и птицы также были уничтожены и изгнаны. Воцарилось спокойствие, и люди могли продолжать радоваться жизни. Теперь Нюйва со спокойным сердцем удалилась в свой чертог и вскоре умерла.

В более поздних вариантах пересказов этого мифа, в частности, в интерпретации основоположников даосизма, в истории фигурирует еще и некий мифический герой Гунгун, который, ударившись головой о небосвод, накренил небо и землю, в результате чего реки в Китае текут теперь в восточном направлении, а звезды на небе перемещаются к западу. И хотя Нюйва старалась исправить положение, сделав подпорки для небосвода из ног огромной черепахи,

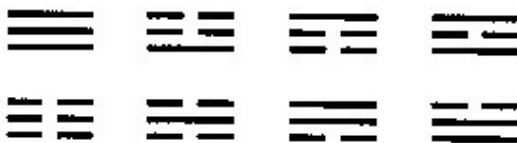
все же ей не удалось вернуть соотношению неба и земли привычную гармонию. Вот почему все в мире так переменчиво, вот почему процесс соотношения *инь* и *ян*, несмотря на свое постоянство и неизменность, все же далек от гармонии, поскольку одна из сил постоянно норовит взять на себя инициативу и получить преимущество.

Нюйва исполнила свой долг. Она дала жизнь людям, которые теперь должны были заботиться о себе сами. Однако то, что так прекрасно в мифе, совсем не так легко и безоблачно в реальности.

Около пяти тысяч лет назад нынешнюю территорию Китая, от долины реки Хуанхэ до восточной и юго-восточной части страны, заняли племена людей, которые, как большинство древних племен, начали свою жизнь по законам общины. Они охотились на диких животных, выращивали злаковые культуры, ловили рыбу, разводили скот. Условия их существования не были легкими. Люди не знали и не понимали законов, по которым живет природа. Они с ужасом наблюдали, как их соплеменники умирают от необъяснимых недугов, как вдруг, ни с того ни с сего, разливаясь, выходит из берегов Великая река Хуанхэ, безжалостно смывая с таким трудом выращенный урожай. Они смотрели по ночам на звезды, поражаясь тому, сколь бесконечен и прекрасен мир, окружающий их, и тому, сколь он загадочен. Словом, они переживали те же эмоции, что были свойственны всем первым разумным существам.

Но, как известно, людям свойственно желание и стремление познавать и объяснять все новое, а также стремление защитить себя с помощью неких, более мощных, нежели стихия, средств. Такими средствами защиты и обретения относительного покоя стали для них предводители племен. В мифах, а также в исторических записях они выступили в качестве культурных героев, имевших неземное происхождение и часто своим обликом на людей совсем не похожих.

Первый совершенномудрый правитель по имени Фуси пришел и стал править в третьем тысячелетии до новой эры. Родился Фуси вот как. Его мать однажды шла по дороге и, не посмотрев под ноги, наступила на причудливый след. След был так велик, что она подумала, что это просто большая канава. Но то был отпечаток ноги великана божественного происхождения. Вскоре после того случая женщина забеременела и носила ребенка в утробе двенадцать лет. Фуси родился прелестным ребенком. Сразу же после рождения он встал и пошел помогать людям. Ведь они еще ничего не умели и не знали, как выжить в суровом мире и прокормиться. Фуси показал им, как делать лук и стрелы и научил охотиться, он сделал для них рыболовные сети, и люди стали ловить рыбу, он объяснил, как укрощать огонь, если дом или всю деревню настигнет пожар, а также научил использовать огонь для приготовления пищи. Главное же деяние Фуси вот какое. Однажды он сидел на берегу озера и любовался закатом. И подползла к нему черепаха. Фуси стал вглядываться в узоры на ее спине и вдруг увидел, что узоры эти не беспорядочны. Он начертил их на песке, и выглядели они так:

На следующий день, на закате, Фуси снова пришел к тому озеру. И прилетел к нему с небес дракон. И Фуси заговорил с ним. Дракон приблизился, и тут Фуси заметил, что волосы на его спине складываются в те же узоры, что он видел накануне на панцире черепахи. Он опять, чтобы не забыть, начертил эти узоры на песке.

Эти восемь триграмм легли в основу многих наук и стали олицетворять различные состояния природы и человека. Применялись и применяются они и в гадательных даосских и не только, практиках.

Следующим совершенномудрым правителем Поднебесной был Шэньнун, который правил в 29—27 веках до новой эры. Родился Шэньнун чудесным образом. Его мать увидела однажды высоко летящего небесного дракона. Дракон этот стремительно пронесся над землей, и вскоре на свет появился Шэньнун. Рассказывают, что он был похож на обычного человека. Но находились и такие, кто видел Шэньнуна в облике чудища зеленого цвета. Телом он напоминал змею, голова его была бычьей, однако лицо – человеческое, а нос при этом – тигриный. Вероятно, Шэньнун мог представлять в разном обличье, оттого и пошли такие рассказы о нем.

Он совершил на земле много полезных деяний. Его великий ум и умелые руки породили плуг и соху. Потому издавна его почитают как покровителя земледельцев и земледельцев. Однажды он гулял вдоль поля и думал, как ему облегчить существование людей. Услышав его молитву, боги ниспослали ему с небес семена проса. Семена эти упали на плодородную почву и проросли. Шэньнун собрал первый урожай. Он определил сроки посева и сбора урожая и плодов и поделился своими секретами с людьми.

Но не только в земледелии прославился Шэньнун. Предание гласит, что он был также умелым врачом и заложил основы медицины. Обитатели царства великанов, где Шэньнун не раз бывал, преподнесли ему однажды в подарок животное, которого не видела земля. Как оно выглядело – тайна. Шэньнун научил это животное, заслышав призывы о помощи заболевших, тут же мчатся на тот зов. Животное оказывалось рядом с больным, приносило в своей пасти целительное снадобье или травы и исчезало. Так что никто никогда его не видел. Но наутро у изголовья больного лежало все необходимое, чтобы его вылечить. Шэньнун никогда не сидел без дела. С восходом солнца он всегда брал свой красный кнут и выходил в поле или в лес. Он шел и стегал своим кнутом травы. И определял, какие из них полезны, а какие ядовиты.

Все, однако, смертно на этой земле. Однажды, разбирая найденные в лесу травы, Шэньнун по неосторожности проглотил стоножку. Сначала он ничего не заметил – существо это было очень маленьким. Но вскоре стоножка начала расти в желудке Шэньнуна, и каждая из ста ее ног превратилась в длинного червя. Шэньнун умер в великих мучениях. Однако люди по сей день помнят о нем, о его добродетели и о его великих деяниях.

Как о существе вполне реальном в своих «Исторических записках» Сыма Цянь повествует о Великом Желтом императоре Хуан-ди: «Хуан-ди – потомок [рода] Шао-дянь, носил фамилию Гунсунь и имя Сюань-юань. От рождения он обладал необыкновенными дарованиями, младенцем уже умел говорить, в детстве отличался смышленостью, в отрочестве – сообразительностью, а став совершеннолетним, проявлял большую ясность ума»⁷.

Великий Хуан-ди считается первопредком китайцев. Обитал он возле Желтой реки Хуанхэ, а Хуанхэ считается колыбелью китайской земли. Отсюда и его имя Желтый император, Желтый владыка или Желтый предок. Хуан-ди закрепил и развил начатое его предшественником, Шэньнуном. Он упрочил значение медицины и традиционных практик.

Хуан-ди совершил множество полезных деяний по улучшению жизни и быта людей: он упорядочил административное устройство (10 домов в селении, 10 селений в уезде, 10 уездов в округе, 10 округов в области, 10 областей в империи), установил 60-летний календарный цикл, а также изобрел и смастерил удобные бытовые принадлежности и инструменты: платье и туфли, различные для мужчин и женщин, топор, лук, стрелы, пестик, ступка). Он показал людям, как нужно бурить колодцы, делать повозки и лодки, отливать колокола. Безвестные сочинители мифов приписывают Желтому императору также основание традиционных наук. В их числе – медицина и геомантия.

Следующими после Хуан-ди правителями Поднебесной стали Яо и Шунь. О Яо через века до нас дошла история о том, что он родился от соединения его матери с драконом, что был доброго и скромного нрава, усовершенствовал календарь, всесторонне заботился о своих подданных и носил простую одежду: зимой – оленью шкуру, а летом – накидку из пеньки. Шунь, который перенял трон от Яо, был простого происхождения, однако удостоился чести занять место правителя благодаря безупречному поведению и почтительности к старшим. Он также преуспел в земледелии и ремеслах, усовершенствовал изобретения Хуан-ди и преподавал людям немало полезных уроков. Шунь также покорил четырех мифических злых существ и велел им охранять Поднебесную от посягательств нечистой силы.

Хуан-ди заслуживает более пристального, чем перечисленные мифические герои, внимания вот по какой причине. Дело в том, что ранние даосы провозгласили в качестве родоначальника их движения именно этого персонажа. Если Сыма Цянь говорит о нем как о вполне реальном герое, наделенном, впрочем, и многими фантастическими свойствами, если в додаосских историях он предстает пока лишь как идеальный правитель, то даосы, присваивая ему титул «бессмертного» и провозглашая его гением-покровителем их учения, вкладывают в его уста и основополагающие постулаты этого учения. Уже на рубеже II—I вв. до н.э. патриархами даосизма считаются Хуанди и Лао-цзы.

Вот предание о Желтом предке, зафиксированное в знаменитом даосском каноне «Лецзы». Желтый предок правил страной долгое время. Но вот он всерьез опечалился и задумался о судьбе Поднебесной. Он так беспокоился, что кожа у него потемнела и высохла, пять чувств притупились и омрачились. И тогда Желтый предок «бросил все дела, оставил дворец, отослал свиту, убрал колокола, ограничил [число] яств на кухне, отошел [от дел] и стал жить в праздности в подворье для приезжающих при дворце. Очищал [свое] сердце, подчинял [себе] тело. [После того как] три луны не вникал в дела правления, заснул днем и увидел сон, будто бродит по стране Всеобщее Процветание. А страна Всеобщее Процветание [лежит] на запад от Яньчжоу, на север от Тайчжоу, а в нескольких миллионах ли от Средних царств – неведомо.

⁷⁷ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина под общей редакцией Р.В.Вяткина. Вступит. ст. М.В. Крючкова. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. Стр. 133

До нее не добраться ни на лодке, ни на колеснице, ни пешком; странствовать [по ней можно] лишь мыслью.

В этой стране нет ни начальников, ни старших, каждый сам по себе; у народа нет ни алчности, ни страстей, все естественно. [Там] не ведают радости, когда [кто-то] рождается, не ведают горя, когда [кто-то] умирает, поэтому не гибнут юными, преждевременно; не ведают [что значит] любить себя, чуждаться других, поэтому нет ни любви, ни ненависти; не ведают ни измены, ни покорности, поэтому нет ни выгод, ни убытков. Ни к кому у них нет ни любви, ни ненависти, никто ничего не боится, не опасается; входят в реку – не тонут; входят в огонь – не обжигаются; от ударов [у них] нет ни ран, ни боли; от укусов [они] не [чувствуют] зуда. Ступают по воздуху, точно по тверди, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туман не мешают им смотреть, грохот грома не мешает слушать; красота и безобразие не смущают их сердца. Они не споткнутся ни в горах, ни в долинах, передвигаясь лишь мыслью»⁸.

Такое вот великолепие. Такая прекрасная утопическая, но желанная история. Но послушаем дальше.

«Проснулся Желтый предок, прозревший и довольный, призвал Небесного Старца, Пастыря Силача, Мыслителя с Горы Великой и им сказал:

– Я провел в праздности три луны, очистил сердце, подчинил тело, надеялся обрести учение о том, как заботиться о себе и управлять другими, но ничего не придумал, устал и заснул. И вот увидел такой сон. Ныне я понял, что настоящее учение нельзя найти чувством. Я его познал [разумом], я его обрел, но не могу о нем вам рассказать»⁹.

И сразу, пока без комментариев, – другой отрывок из «Ле-цзы»:

«Желтый предок сказал:

– Как [могу] я еще существовать, [когда] душа проходит в свою дверь, а тело возвращается к своему корню? Человек от начала и до конца четырежды переживает великие изменения: младенчество в детстве, возмужание в юности, одряхление в старости, исчезновение в смерти. В младенчестве только воздух [энергия] приводит желания к единству и достигается высшая гармония. Вещи не наносят вреда [человеку, к полноте его] свойств нечего добавить. В время возмужания в юности воздух [энергия] в крови переливается через край, [человека] переполняют страсти и заботы, [он] подвергается нападению вещей, и поэтому свойства [его] ослабевают. Во время одряхления в старости страсти и заботы смягчаются, тело готовится к отдыху, вещи [с ним] не соперничают. Хотя [свойства его] и не обладают той полнотой, что во младенчестве, но [они] более спокойны, чем в юности. Исчезая в смерти, [человек] идет к покою, возвращается к своему началу»¹⁰.

Итак, в устах неизвестного автора «Ле-цзы» Желтый предок Хуан-ди – уже не просто мудрый правитель и герой. Он – обладающий недюжинными способностями и талантами мудрец, если угодно, воплощение на земле того идеального явления, которое призвано встать между небом и землей. Ведь совершенно не случайно именно ему снится этот чудесный сон о стране Всеобщее Процветание. Кстати, после того, как он очистился посредством этого сна, в Поднебесной воцарился должный порядок – такой же, как в стране Всеобщее Процветание. Он изначально призван высшими силами, чтобы в облике полубога-получеловека, «бессмертного», воплотить на земле идеал, мечту, сон. А значит, он уже не просто первопредок китай-

⁸ 8 Лецзы. Перевод Л. Позднеевой. // В кн. Дао: гармония мира. М.: ЗАО Изд. ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд. Фолио, 2000. Стр. 48—49.

⁹ 9 Там же. Стр.49.

¹⁰ 10 Там же. Стр 41—42.

цев и не просто герой. Он – провозвестник даосской философии, основоположник великого учения.

Трансформация мифических существ и мифологических героев в рамках даосского движения – явление частое и характерное. Так, мы видели, произошло с образом Хуан-ди. Так происходило еще со многими существами из разряда неземных, фантастических явлений. Один из духов-хранителей четырех сторон света – Черный воин (Сюань У), имевший облик черепахи и змеи одновременно, существовал как символ брачного союза Неба и Земли. Даосы «призвали» Сюань У к себе и внедрили его культ.

Даосизм создал множество причудливых образов и героев. Точнее, взял образы ранее существующих героев и трансформировал их. Среди них – прежде всего, Восемь Бессмертных. Это гении, реальные исторические лица разных эпох, достигшие бессмертия. Способы достижения состояния бессмертия – разные (на небесах, на земле, либо сразу после смерти – так называемый способ «освобождения от трупа»). Культ этих героев с течением времени изменялся и обогащался все новыми интересными подробностями. В IV – III вв. до н.э. он зарождается в практиках магов восточных царств, далее органично входит в даосизм философский, а затем, претерпев различные трансформации, входит в даосизм религиозный.

Вот как выглядели эти замечательные персонажи.

ЛАНЬ ЦАЙ-ХЭ. Пожалуй, самый интересный и неординарный Бессмертный. Это уличный певец, нищий, который постоянно собирает подаяние и нанизывает монеты на шнурок. Этот шнурок постоянно тянется за ним по улице. Монеты Лань Цай-хэ раздает беднякам и таким же нищим, как он сам, но чаще деньги теряются. А Лань Цай-хэ нисколько не страдает и продолжает распевать свои песни о быстротечной и полной превратностей жизни. Его синий халат вечно рваный. Лань Цай-хэ утепляет его ватой. Только почему-то делает он это летом. Зимой же его нередко можно увидеть валяющимся на снегу. Одна его нога – в валенке, другая – босая. Он всюду носит с собой бамбуковые дощечки, стук которых служит ему аккомпанементом, когда он поет песни. Он завсегдатай кабачков и винных лавок, веселый балагур и рассказчик.

Однажды, во время шумного веселья близ озера Хаолян, где Лань Цай-хэ пил вино в местном кабаке, в небе показался журавль. В тот же миг раздались чарующие звуки тростниковой флейты. Собутельники Ланя с удивлением наблюдали, как этот горький пьяница вознесся на небо и с той поры стал бессмертным. На землю полетели единственный сапог, халат и бамбуковые дощечки.

Но на этом чудесная история Лань Цай-хэ не заканчивается. Через некоторое время (в поздних мифах) он преображается в фею цветов, носившую корзину, наполненную хризантемами и веточками бамбука (символ бессмертия). Теперь это покровитель садоводства. Нередко он на время вновь становится мужчиной.

ЛЮЙ ДУН-БИНЬ. Родился, согласно легенде, 14-го числа 4-й луны 798 года. В момент зачатия к постели его матери спустился на мгновение белый журавль. Люй Дун-бинь имел необычную внешность: шея журавля, спина обезьяны, туловище тигра, лик дракона, глаза феникса. У него были очень густые черные брови, а под левой бровью – черная родинка. Люй Дун-бинь имел необыкновенные способности – за день он запоминал текст в 10 тысяч иероглифов. Когда Люй Дун-бинь вырос, он решил посвятить себя служению на поприще чиновника. Но однажды он повстречал в горах Лушань (сейчас – провинция Цзянси) отшельника-даоса Чжунли Цюаня, который обратил его в свою веру, а также научил разным диковинным вещам: магии, фехтованию и искусству делаться невидимым. Потом, когда Люй Дун-бинь с успехом прошел десять трудных испытаний, он удостоился чести владеть чудесным мечом, с помощью

которого сражался со злыми драконами. Существует и несколько иная версия встречи Люй Дун-биня и Чжунли Цюаня. Согласно ей, Люй Дун-бинь вместе с семьей вынужден был бежать в горы Лушань в пятидесятилетнем возрасте. Чжунли Цюань берет его в ученики, а Люй Дун-бинь клянется ему в верности и обещает помогать другим людям в постижении Дао. Под видом торговца маслом он спускается в селение и находит там людей, которые живут очень бедно. Он дает себе слово помочь тем из них, кто честен. Так, он помогает одной старушке, пустив в ее колодец несколько зерен риса, в результате чего вода в колодце превращается в вино. Старушка, понятное дело, быстро поправила свои дела и разбогатела.

Существует еще одна очень красивая история, в которой фигурирует Люй Дун-бинь. Только теперь он не бессмертный, а самый обыкновенный человек, хотя и ученый. Однажды на постоялом дворе он разговорился с даосом. Даос уверял его, что мирская жизнь – лишь тщетная суэта, бессмыслица. Однако Люй не согласен. Тогда даос велит ему заснуть. Люй тут же засыпает и видит чудесный сон. Он видит свою будущую жизнь, всю как на ладони, наполненную различными событиями – взлетами и падениями, радостями и невзгодами. А когда просыпается – оказывается, что он все на том же постоялом дворе, а напротив сидит даос. Люй прозревает. Ему становится ясна правота даоса. Он становится отшельником. Сюжет этой истории носит очень распространенный характер. В притчах и повествованиях на даосские темы прием сна, в котором видна вся жизнь героя, очень распространен. Широко используется сюжет о сне Люя и в драматургии. Так, драматурги Ма Чжи-цюань (XIII в.) и Су Ханьин (XVI в.) положили его в основу своих произведений. Известна также замечательная пьеса неизвестного автора под названием «Сновидение Дун-биня», которая разыгрывалась в храмах в день рождения одного из верховных даосских божеств Дун-ван-гуна.

Но вернемся к нашему Бессмертному Люй Дун-биню. В многочисленных вариантах историй о нем он предстает святым подвижником, призванным помочь простому народу. Его изображение и сегодня можно увидеть в домах. Он вооружен с мечом, которым разрубает нечисть, и веером-мухоголкой – атрибутом отшельника и Бессмертного.

ЛИ ТЕ-ГУАЙ. Фигура эксцентричная, персонаж чрезвычайно многообразный в своих проявлениях. «Ли по имени Железная клюка» – так переводится его имя. Версий его появления на свет, действий и предназначений существует множество. Вот одна из самых распространенных и в то же время очень занимательная. Ли Те-гуай с детства остался без родителей. С ним была лишь его старшая сестра, которая его не берегла. Однажды его увидела Матушка Владычица Запада Сиванму. Ребенок понравился ей, и она взяла его к себе на воспитание. У него на ноге была незаживающая рана, и Матушка вылечила ногу. Затем она посвятила Ли в свои секреты и открыла перед ним дорогу в бессмертие. Ли познал великое Дао и обрел много учеников. Однажды он решил отправиться в горы. Но его тело ему мешало, и он покинул его. Он предупредил ученика, что его дух вернется обратно в тело через семь дней. Ученику же строго настрого наказал беречь тело, а если по какой-то причине по прошествии семи дней не вернется, велел его сжечь. Однако на шестой день ученик получил известие о болезни матери и, чтобы не оставлять тело на съедение диким зверям, сжег его раньше положенного срока, а сам ушел. Вернувшийся Ли обнаружил на месте лишь горстку пепла. Ли срочно нужно было искать какое-то другое тело, иначе он рисковал навсегда остаться духом. Первым попавшимся оказался труп нищего. Этот нищий был высок ростом, имел курчавую черную бороду и волосы, прихваченные железным обручем. Одна его нога была повреждена. Ли вселился в его тело. После этого он пришел в дом ученика, который так его подвел, и дал его матери чудесное снадобье, после чего она быстро поправилась.

Другая версия легенды гласит, что Ли Те-гуай подвергся нападению тигра, который растерзал его. Тогда дух Ли вселился в нищего.

Ли Те-гуай изображается обычно в облике хромого бродяги с курчавой бородой, темными волосами и большими глазами, с железным посохом и тыквой-горлянкой, в которой носит чудесные снадобья. Снадобья эти он продает на базарах по доступным для простых людей ценам. Из тыквы-горлянки струится эфир, символизирующий духовную субстанцию, отделяющуюся от материальной. Через реки и озера Ли переправлялся на листе бамбука.

Ли – собирательный образ различных даосских притч и повествований. Он также является символом и покровителем магического искусства и медицины. Его изображение нередко и сегодня можно увидеть на воротах аптекарских лавок.

ЧЖУНЛИ ЦЮАНЬ. Тот самый даосский святой, который наставил на путь Дао Люй Дунбиня. Однако в самом начале своего пути он – отважный воин. Эта версия его жизни рассматривается в варианте его рождения в эпоху Хань (отсюда и другое его имя – Хань Чжунли – «Ханьский Чжунли»). Однажды император отправил его на битву с тибетскими племенами. Войско Чжунли по ходу битвы должно было одержать верх. Бой подходил к концу. Но в это время в небе пролетал один из Бессмертных (некоторые источники утверждают, что это был Ли Те-гуай), который, увидев Чжунли, тотчас захотел обратить его в Бессмертные и наставить на путь Дао. Он подсказал неприятелю, как победить Чжунли, и тот потерпел поражение. Сам Чжунли вынужден был скрыться. Он долго бродил по степям и пустыням, пока не повстречал монаха, который отвел его к Повелителю Востока. Этот Повелитель был еще и покровителем всех Бессмертных мужского пола. Он повелел Чжунли отказаться от всех честолюбивых помыслов и мирских устремлений и все силы отдать постижению Дао. С тех пор Чжунли начал усердно учиться у мудрецов и со временем стал выдающимся алхимиком. Он научился превращать медь и олово в золото и серебро, а полученные драгоценные металлы раздавал беднякам. Однажды перед ним раскололась каменная стена, и он увидел нефритовую шкатулку. Он открыл ее и увидел свитки, в которых содержались наставления тому, кто решит стать бессмертным. Когда Чжунли постиг эту суть, к нему спустился с небес журавль. Чжунли сел на него и отправился в страну Бессмертных.

А вот еще одна версия легенды о Чжунли. Он женился на молодой девушке и удалился от мирских дел, сделавшись ученым книжником. Однажды, во время глубокой медитации, он оказался на кладбище и увидел одиноко сидящую молодую женщину у свежей могилы. Она обмахивала эту могилу веером и плакала. Чжунли спросил женщину о причине ее слез, и она поведала, что покойный муж взял с нее клятву не выходить замуж, пока земля на могиле не высохнет. Чжунли призвал на помощь духов, которые вмиг осушили землю. Молодая женщина поблагодарила Чжунли и оставила ему веер. А его жена, увидев этот прекрасный веер, стала спрашивать, откуда он взялся. Они поссорились. Чжунли вознамерился прояснить истинное положение вещей и узнать, как жена на самом деле относится к нему. Он притворился мертвым, но одновременно предстал перед женой красивым молодым человеком. Та не устояла перед его предложением выйти за него замуж. Юноша сообщил ей, что ему необходим мозг ее покойного мужа, чтобы изготовить волшебное снадобье. Женщина согласилась и на это. Она открыла гроб, и тотчас же ее покойный муж ожил, а молодой возлюбленный испарился. Жена повесилась, а Чжунли сжег дом, оставив себе лишь веер и книгу «Дао Дэ Цзин».

Чжунли Цюань является святым для многих сект позднего даосизма, которые практикуют внутреннюю алхимию. Изображения его – различны, в зависимости от версии его происхождения. Однако чаще всего он предстает в виде высокого, крепкого мужчины с курчавой бородой и татуированным телом. Часто ему приписываются способности выдающегося каллиграфа.

ЧЖАН ГО-ЛАО. По-видимому, реальный человек, живший в VIII веке при императоре Сюань-цуне и обожествленный даосами. Жизнеописание этого героя имеется в официальных историях династии Тан. В описании Чжэн Чу-хуэя он предстает даосом-магом.

В легендах же этот персонаж появляется якобы с самого начала времен, когда в мире еще царит первозданный хаос. Другие варианты историй о нем повествуют, что родился он во времена правления Фуси. Чжан был уже стар, когда родился. Он умел делаться невидимым, обладал феноменальной памятью, хорошо помнил события прошедшего и точно предсказывал будущее. Чжан передвигался верхом на белом осле. Этот осел мог пробежать без усталости десять тысяч ли за день. Когда Чжан приезжал на место, он складывал своего осла, словно лист бумаги. А когда нужно было снова пускаться в путь, он брызгал на осла водой, после чего тот оживал. Чжана обычно изображают верхом на этом осле, только задом наперед. В руках – бамбуковая трещотка. Иногда его изображение под названием «Чжан, подносящий сына», можно видеть в комнатах для новобрачных. Таким образом, Чжан – еще и добрый предвестник пополнения семьи.

Чжан – бессмертный старец – один из родоначальников поздних даосских сект мистического толка.

ХАНЬ СЯН-ЦЗЫ. Прообраз реальной исторической личности с тем же именем, племянника известного в свое время приверженца конфуцианской морали Хань Юя (768—824 гг.). Хань Юй ненавидел даосизм и всячески препятствовал своему племяннику на пути постижения Дао. На противоборстве строгих конфуцианских правил и свободных даосских проявлений построены многие истории о Хань Сян-цзы. Так, однажды Хань Юю было приказано вызвать дождь. Приказ исходил от самого государя, и Хань не осмелился противоречить, хотя о том, как ниспослать дождь и сильнейшую засуху, не имел ни малейшего представления. Само собой, ничего у него не вышло. Тогда Хань Сян-цзы, приняв облик даоса, вызвал дождь. Благодатная влага пришла на землю, однако двор Хань Юя дождь обошел стороной. Это было своеобразным наказанием Хань Юю за пренебрежение к Дао. Однажды в доме Хань Юя был устроен пир. Собралось много гостей. Скромный юноша Хань Сян-цзы сидел в сторонке и никак себя не проявлял. Но вот дядя попросил его принести что-то к столу. Хань Сян-цзы поднялся, принес, что требовал дядя, а заодно поставил на стол небольшой тазик, который тут же, на глазах изумленных пирующих, стал наполняться землей. Затем из-под земли показались два молодых ростка, которые в ту же минуту превратились в прекрасные благоухающие цветы. Цветы причудливым образом изогнулись и образовали иероглифы. По другой версии, между двумя цветками проступила золотая табличка со знаками или же сами знаки появились в воздухе. Пораженные гости принялись читать эти иероглифы. Получилось вот что:

Облака на хребте Циньлин преградили путь, где же дом и семья?
Снег замёл проход Ланьгуань, конь не идёт вперёд.

Гости и Хань Юй были так удивлены произошедшим, что не обратили внимания на пророческий смысл этих строк. Лишь некоторое время спустя, когда Хань Юй, за выступление против буддизма, был отправлен в ссылку, все стало ясно. Хань Юй, добравшись до хребта Циньлин, не мог идти дальше – мокрый снег и дождь встали стеной на его пути. И тогда ему явился его племянник Хань Сян-цзы, который напомнил о стихах, несущих пророческий смысл. Всю ночь он наставлял дядю в вопросах Дао, рассказывая о чудесных деяниях даосов. На прощанье он подарил Хань Юю флягу из тыквы-горлянки. В ней было снадобье, излечивающее малярию.

Хань Сян-цзы – любимый ученик Люй Дун-биня. Он стал бессмертным, когда упал с персикового дерева, к которому пришел вместе с учителем. Хань прекрасно играл на флейте

и странствовал, развлекая жителей деревень и городов своей чудесной игрой. На звуки его нефритовой флейты слетались птицы и сбегались животные. Хань также нередко изображается с корзиной цветов в руках. Помимо всего прочего, он – покровитель садовников. Все, что зарабатывал Хань своими деяниями, он тут же раздавал.

В даосских канонах Хань Сян-цзы предстает как великий маг и чародей.

ЦАО ГО-ЦЗЮ. Реально существовавший исторический прототип этого бессмертного – сын первого министра сунского государя Жэнь-цзуна (1022—1063) и младший брат императрицы Цао. Цао Го-дзю, равнодушный к богатству, стремился к постижению даосского учения и рвался на волю. Наступил момент, когда выносить пребывания в императорских покоях он оказался не в силах. Он попрощался с императором и императрицей, которые подарили ему золотую пластину с надписью «Гао-цзю повсюду может ездить, как сам государь», и отправился бродить по миру. Однажды он переправлялся через реку Хуанхэ. Когда он и его попутчики оказались на середине реки, лодочник потребовал плату вперед. Цао вынул свою пластину и показал ему. Тот в испуге сейчас же замолчал. Попутчики оценили положение и поняли, что и им можно не платить. Они принялись славить Цао. И только один даос-отшельник молчал. Потом он обратился к Цао и стал его укорять. Он говорил так убедительно, что Цао стало стыдно. Он без сожаления расстался с золотой пластиной, бросив ее за борт лодки.

Цао Го-цзю считается также покровителем актеров. Изображается в парадной официальной одежде и с кастаньетами из золотых пластин. И все-таки, это прежде всего, даосский бессмертный.

ХЭ СЯНЬ-ГУ. В некоторых легендарных историях один из Восьми Бессмертных Лань Цай-хэ иногда предстает в женском обличье. И все же ученые предпочитают употреблять слово и понятие «гермафродит» по отношению к этому персонажу, поскольку очень часто не вполне ясно, кто же он. А вот Хэ Сянь-гу (имя ее переводится как «Бессмертная дева Хэ») – изначально предстает в легендах в образе женщины. Уже за одно то, что, оставаясь женщиной, она отстояла при этом свои права и заняла достойное место среди Бессмертных, Хэ достойна высшей степени похвалы. Но были у нее и другие заслуги. Дочь торговца, она стала феей, когда однажды съела чудесный персик. С тех пор она никогда не чувствовала голода и сделалась бессмертной. Она поселилась в горах и питалась перламутровой пудрой и лучами лунного света. То была обычная пища бессмертных фей. Однажды она гуляла по лесу и зашла так далеко, что заблудилась. На нее напал страшный демон. К счастью, рядом оказался Люй Дун-бинь, который разрубил демона своим магическим мечом.

Другая история о Хэ гласит, что она была дочерью некоего Хэ Тая. Когда ей было 14 или 15 лет, во сне ей явился святой (Люй Дун-бинь) и научил ее питаться слюдяной мукой, чтобы сделаться легкой и никогда не умереть. Вскоре она вознеслась на небеса. Однако есть немало историй ее появлений среди людей и явления своих чудес. Хэ Сянь-гу была предсказательницей будущего. Часто она изображается с цветком белого лотоса (символ чистоты) на длинном стебле, который изогнут наподобие жезла жуй (жезл исполнения желаний). В ее руках нередко появляется корзина с цветами. Иногда ее изображают с бамбуковым черпаком. Происхождение этого атрибута следующее. У Хэ была злая мачеха, которая заставляла девочку работать не покладая рук. И вот однажды, когда она усердно трудилась на кухне, ее увидел Бессмертный Люй. Девочка очаровала его, и он помог ей вознестись на небеса и навсегда избавиться от земного гнета. Все произошло настолько неожиданно, что Хэ не успела подумать хорошенько, что ей можно захватить с собой и взяла первое, что попало под руку – бамбуковый черпак. Эта история сделала ее еще и покровительницей домашнего хозяйства и очага.

Помимо названных нами Бессмертных, объединенных в группу под названием «Восемь бессмертных», существуют еще несколько представителей этой категории. Среди них – ГУАНЬ

Юй – военачальник периода Троецарствия, покровитель военных искусств и армии; покровитель образования и просвещения ВЭНЬ-ЧАН, который, время от времени появляется в небесах, что предвещает рождение на земле нового неординарного и яркого таланта; Истинно воинствующий ЧЖЭН-У, победитель всех нечистых и темных сил; Повелитель снадобий ЯО-ВАН (является символом успеха в искусстве врачевания).

Пантеон божеств и Бессмертных, которые, так или иначе, оказались частью даосской мифологическо-божественной группы, огромен. Чтобы рассказать обо всех этих персонажах, каждый из которых уникален в своем роде, нужно написать несколько книг. Мы же, завершая эту главу, приведем классификацию божеств, созданную современным исследователем даосизма Фань Эньцзюнем, представленную в вышедшей недавно в свет книге Вэнь Цзянь и Л. А. Горобец «Даосизм в современном Китае». Книга посвящена теме существования даосизма в рамках современного китайского общества.

– Божества Небес (*тяньшиэнь*). Здесь представлены: три чистейших (*саньцин*), четыре императора (*сьюй*), тридцать два Небесных владыки, три чиновника (*саньгуань*), Лэй Гун, Дянь Му и др.

– Земные достопочтенные (*дичжи*). Это божества определенных местностей, городов, лесов, рек, морей. Сюда же относятся божества земли (*тушэнь*), ворот (*мэньшэнь*), домашнего очага (*цзаошэнь*), колодца (*цзиншэнь*), отхожих мест (*цэшэнь*) и др. Многие из них превратились в божественные сущности лишь впоследствии, а изначально имели человеческий облик и рождение. Именно в эту группу, – говорят авторы книги, – вошло большинство божеств, которые даосизм впитал из локальных народных культов и религиозных традиций.

– Божественные призраки (*жэньгуй чжи шэнь*). Это божественные предки (среди них – и семейные), а также покровители различных ремесел и школ. В этой же группе расположились и полубогатые герои, среди которых – Кун-цзы, Мэн-цзы, Гуань-гун (Гуань Юй), У Ди, Юэ Фэй, Лу Бань и др.

– Четвертая группа – божества человеческого организма (*жэньти чжи шэнь*). «Согласно даосским представлениям, тело человека вмещает около 36 000 божеств. Их медитативная визуализация и созерцание являются важнейшими составляющими даосских обрядов и повседневных психотехнических занятий. Не все божества благорасположены к человеку. Так, „три червя“ (*саньшишэнь*), воплощающие сребролюбие, чревоугодие и любострастие, препятствуют достижению адептом бессмертия. Считается, что ежегодно в день рождения человека они поднимаются на Небо и докладывают обо всех его прегрешениях. Даос, идущий по пути самосовершенствования, должен „запереть“ их в своем теле и, не смыкая глаз в течение 24 часов, усердно читать канонические тексты, произнося соответствующие заклинания. При постоянстве такой практики можно постичь полной их нейтрализации»¹¹.

– Пятая группа – божества преисподней (*дифу шэньлин*). На каждом из 36 уровней Неба пребывает свое божество. Вообще же древнекитайская традиция разделила загробный мир на два уровня. Первый из них связан с горами Тайшань пров. Шаньдун, вторая – с Фэндушань пров. Сычуань. «Великий владыка восточного пика Тайшань (*Тайшань дунное Дади*) определяет срок жизни и посмертную судьбу души, а Великий владыка Фэнду (*Фэнду Дади*) ведает духами и призраками умерших».¹²

– Группа Бессмертных. Фань Эньцзюнь приводит здесь типологию, представленную в трактате даосского алхимика Гэ Хуна «Баопу-цзы» (III—IV вв.):

¹¹ Вэнь Цзянь и Л.А.Горобец Даосизм в современном Китае. С.-П., Петербургское Востоковедение, 2005 Стр. 36—37.

¹² Там же. Стр. 37.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.